

© 2008 г.

Т.Е. Литвиненко

МЕТАФОРЫ ИНТЕРТЕКСТА

Развитие современных представлений об интертексте как об объекте современной лингвистики и теории текста невозможно без учета ряда факторов, повлиявших на формирование данного специального концепта названных дисциплин. Одним из таких факторов, обусловивших его эволюцию в течение четырех последних десятилетий, стала реактуализация двух важнейших, «вечных» метафор филологического дискурса: *мир — это текст* и *текст — это мир*.

Первая из них — метафора *мир — это текст* восходит к эпохе древних религиозно-философских осмыслений действительности, по-своему решавших проблему генезиса и самой сущности бытия. Воспользовавшись известной античной формулой «мир состоит из...», можно сказать, что этот концепт нашел первоначальное выражение в утверждении «мир состоит из букв (Слова, слов)», не утратившего познавательного значения вплоть до самого последнего времени. Свидетельством этому служат многие исследования в области философии, филологии, герменевтики, теории и истории культуры и ряда других наук¹, в дискурсе которых, строго говоря, это выражение и приобрело метафорический смысл, заменив изначально присущий ему буквальный.

Такой архаический — единственный — смысл времен космогонических и антропогонических мифов, сакральных Слов и божественных писем, однако, не исчез в ходе эволюции концепта, проявив себя в двусмысленности постструктуралистских употреблений. Особенно ярко это отразилось в произведениях французского философа Ж. Деррида, в том числе в его знаменитом труде *О грамматологии*², чье название — *De la grammatologie* — также этимологически отсылает к письму и к буквам (от греч. *gramma* — письменный знак, буква).

Речь в этой книге, заметно повлиявшей на развитие современной гуманитаристики, идет не просто о письме, а о феномене, взятом в онтологически-широком и принципиально неоднозначном понимании, совмещающем как архи-, так и нео-смыслы. Так, в сферу письма — *écriture* (что по-французски также означает «письменность» и «Писание») попадает, по Деррида, уже все то, что сопряжено с реализацией *про-граммы*, квалифицируемой автором как *пред-письмо*. Сюда входит, таким образом, практически весь наличный универсум: от процессов, протекающих внутри микроорганизмов, до сложных ментальных действий человека и от кибернетических операций до эманации божественного логоса. Сюда же включаются и все виды *записи/графики*: пикто-графические и идео-графические системы, хорео-графия, спектро-графия, рентгено-графия, кинемато-графия и т.п., а также музыкальное, спортивное, военное, политическое и пр. «письмо», имеющее свои наборы означающих.

Кроме любых видов артефактов письмом как записью бытия являются интерпретируемые как знаки натурфакты (автором отдельно анализируется метафора *Книги природы*), человек, его жизнь и его язык, представленный в виде не только письменной, но и устной речи (проблема бесписьменных народов, по Деррида, таким образом, отпадает).

Подобное расширение границ письма, достигающее размеров текста жизни, имеет два методологических важных следствия. Во-первых, оно приводит к пониманию фактической неосуществимости выхода за пределы такого текста к некой абсолютно невыразимой, никак *неописуемой* реальности, в результате чего становится возможным вывод о том, что внетекстового мира не существует: “Il n’y a pas de hors-texte”. А во-вторых, представление о мире как о тексте или о всеобъемлющем поликодовом письме позволяет выявить его интертекстуальную природу, объективированную в многочисленных взаимопереходах и связях его отсылающих друг к другу фрагментов.

Оставив в стороне сложный вопрос о полном замещении реальности текстом, отметим, что в более узком (и семиотически корректном) смысле как текст могут пониматься история и культура.

Метафора *история* — *это текст* актуализируется в языке целым рядом стереотипных выражений. В историю можно «вписать новую станицу» или «главу», а также «открыть/перелистнуть ее главу или страницу». Про историю допустимо сказать, что она «пишется на глазах современников», ее можно «переписать» и, наконец, «перечеркнуть историческое прошлое». В любом случае, и осмысление событий истории как последовательности знаков, и их дискурсивное удвоение с помощью словесных знаков позволяет высветить в области цели такие базовые свойства источника³, как способность аккумулировать, сохранять, дискретно распределять, а также служить оптимальным средством передачи знаний и опыта предшествующих поколений.

Что же касается метафоры *культура* — *это текст*, то она главным образом реализуется в словосочетании «текст культуры», обозначающем научный объект эстетических и культурологических исследований и, соответственно, в самих исследованиях, посвященных его изучению. Текст культуры как теоретический конструкт имеет значительную зону пересечения с текстом истории, совпадая с ним большинством своих субтекстов, которые, однако, по-разному структурируются и оцениваются внутри целого (культурно значимое не всегда равно исторически значимому).

Восходя к общему источнику метафорической проекции, культура, как и история, приобретает в результате его отображения роль центрального звена социальной коммуникации, построенного по модели методологически освоенного и удобного для человека артефакта. Не случайно, поэтому именно в таких терминах может быть сформулирована и основная задача культуризации — «освоение мира путем превращения его в текст»⁴. Причем эта задача не теряет актуальности, вне зависимости от того рассматривается ли предсуществующий мир как текст или нет.

Если мир — это текст, т.е. осмысленное сообщение, чьим создателем выступает Бог, естественные законы природы, абсолютная идея или др., то культурное освоение мира человеком будет нацелено на придание такому тексту антропогенных рамок, перевод его на понятный знаковый код. Если же мир — не текст и сам по себе никакого смысла не имеет, то его культуризация будет заключаться в преобразовании незнаковых участков в знаковые (напр., последовательности лунных фаз в календарь, военного похода в эпическое сказание о нем), т.е. реструктуризации не-текста в наделенный смыслом артефакт.

Относительно же главного вопроса нашей статьи отметим, что, будучи *текстами текстов*, культура и история интертекстуальны в самой своей основе. Как подчеркивала Ю. Кристева, «единый текст (культуры)» строится из текстов различных типов организации, «частью которого они являются и который, в свою очередь, является их составной частью». При этом каждый текст, пересекающийся с другими текстами, «рассматривается как интертекстуальность и тем самым мыслится в рамках (в тексте) общества и истории»⁵.

В свете второй метафоры, *текст — это мир*, текст концептуализируется как пространство, в котором окружающий человека мир получает свое опосредованное знаковое отображение.

Зародившись, как и метафора 1, в эпоху религиозно-магических перформативов, когда персонифицированным словом был бог Завета, а древнеиндийская богиня Вач — речью, образовавшей и структурировавшей вселенную, вторая конструкция также со временем превратилась в лингво-когнитивный «палимпсест», на чей стершийся мифологически-буквальный смысл, было «нанесено» новое дискурсивное содержание, придавшее ему черты научно-филологического тропа.

В современных исследованиях текст в данном метафорическом понимании предстает как выраженный в знаковой форме фрагмент картины мира его создателя, т.е. фрагмент общей совокупности знаний адресанта о действительности, сложившейся в его сознании в субъективный образ мира. Как указывает В.И. Постовалова, такой образ или картина мира есть результат всей духовной активности человека и всех его контактов с миром, сколь бы разнообразны они не были. Картина мира формируется «в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира... и миродействия», корректируясь в ходе всего существования человека⁶. При этом сами тексты, служащие средством объективации картины мира их создателя, а вместе с тем и средством объективации метафоры *текст — это мир*, могут реализоваться не только в знаках естественного языка, но и в единицах других семиотических кодов, образуя тексты-рисунки, ритуалы, архитектурные комплексы, технические устройства и любые иные произведения.

Воплотившись в тексте, фрагмент авторской картины мира, структурированный в соответствии с замыслом произведения, становится «миром текста» для его адресата, включающим все содержательные элементы, предназначенные для понимания и интерпретации. Этот «мир» образуется из множества отраженных авторским сознанием ситуаций, чьи ментальные модели получают вербальную фиксацию в тексте, позволяя выразить все заложенные в него смыслы, в том числе и личностные смыслы его создателя.

Известно, однако, что наличие личностных — уникальных, единичных — смыслов, характерных для текстов, актуализирующих индивидуально-авторскую картину мира, невозможно вне их соотнесенности с коллективными знаниями о мире, присущими отдельному сообществу (социальному, профессиональному и пр.), отдельному народу (идиоэтнической группе) и человеческому роду в целом. А потому вхождение автора в указанные лингво-когнитивные сообщества становится залогом успешности коммуникации, что, разумеет-

ся, предполагает совпадение (более или менее полное) ЛКС его и адресанта.

Их совпадение, т.е. принадлежность коммуникантов к одной и той же национально-языковой, социокультурной, профессиональной, конфессиональной и т.д. группам, дает возможность говорить об относительном изоморфизме картин мира адресата и адресанта, чье сходство обуславливается, в свою очередь, наличием единых формирующих их образ мира претекстов. К последним относятся выделяемые в работах Д.Б. Гудкова, Ю.Е. Прохорова и В.В. Красных социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные тексты, а также вычленяемые на основе таких текстов прецедентные высказывания, имена и ситуации⁷.

Присваивая содержащиеся в претекстах знания и представления о мире, а вместе с ними и готовые формы их вербальной репрезентации, члены ЛКС транслируют полученный лингвокультурный опыт во вновь создаваемые ими тексты, «мир» которых, таким образом, становится интертекстуальным⁸.

Несколько с иных позиций интертекстуальную природу «мира текста» позволяет рассмотреть концепция, изложенная Г.В. Денисовой, в книге которой проводится анализ интертекстуальной структуры когнитивного уровня языковой личности. Сам когнитивный уровень ЯЛ автор предлагает понимать как совокупность концептов, складывающихся в определенную картину мира, которая охватывает «полный объем памяти, связанной с комплексом знаний о мире, выработанным в рамках определенного культурного пространства на основе пользования естественным языком»⁹. В свою очередь набор концептов, усвоенных из различных текстов культуры наряду со способами их языкового представления, рассматривается как интертекстуальная структура когнитивного уровня ЯЛ. Она наличествует как вариант в сознании каждого участника коммуникации и получает свое дальнейшее развитие в ходе всей его речемыслительной деятельности.

В состав названной структуры входят: 1) «устойчивое интертекстуальное ядро», чьим источником служат литературные тексты, входящие в образовательный канон, информация о важнейших социально-исторических событиях, известных исторических, культурных деятелях, национальных памятниках и т.п.; 2) промежуточный «динамичный интертекстуальный пласт», содержание которого детерминируется временными рамками и социальными факторами, и в котором происходит переосмысление и смена статуса прецедентных феноменов; и 3) «интертекстуальная периферия» — наиболее подвижный комплекс когнитивного уровня, чьим вербальным коррелятом выступают литературные и нелитературные продукты массовой культуры, становящиеся прецедентными на короткий период времени¹⁰.

Все сказанное подтверждает положение о том, что «мир текста», являющийся проекцией интертекстуальной в своей основе картины мира, также интертекстуален, что обусловлено спецификой лингвокультурного сознания *homo loquens*, формирующегося в результате усвоения претекстов. А вместе с тем оно служит показателем того, что развитие учения о ЯЛ и ее когнитивной составляющей (картине мира) способствовало росту интереса к ее языковым репрезентантам — текстам, концептуализируемым как область метафорической цели, структурированная по образцу метафорического источника.

Несомненным свидетельством такого интереса может служить также «общая теория интертекста», разработанная Н.А. Кузьминой, монография которой стала местом представления не только данного, но и предыдущего метафорического концепта.

С первой из метафор связано само понимание интертекста, который определяется как «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени». Комментируя приведенную дефиницию, автор указывает, что в соответствии с ней утверждения типа «Интертекст вокруг нас» или «У нас один интертекст» представляются ей некорректными: «ибо мы в интертексте, мы не вне его, но одна из его субстанций». Далее она обращает внимание читателя на то, что избранное ею определение «ни в коей мере не противоречит общефилософскому пониманию текста, распространившемуся в последние годы, когда весь воспринимаемый нами эволюционирующий мир рассматривается как множество текстов». И даже сужая область применения термина до сферы естественного, а затем поэтического языка, Н.А. Кузьмина поясняет, что и в этом случае под «информационной реальностью» в работе будет пониматься множество художественных или нехудожественных текстов¹¹.

Что же касается второй метафоры, то с ней прежде всего связан анализ Н.А. Кузьминой поэтической картины мира, которая в монографии определяется как альтернативный физическому образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника и являющийся результатом его духовной активности. Материальным выражением поэтической картины мира служат тексты, отражающие действительность в соответствии с особенностями ее восприятия автором и образующие в своей совокупности единое текстовое пространство. Говоря более точно, тексты есть языковое пространство репрезентации взаимосвязанных концептуальных метафор, образующих поэтическую картину мира или поэтический мир произведений автора (эти понятия используются синонимично). Сами же концептуальные метафоры, рассматриваемые и как основа ПКМ, и как «ментальные изоглоссы интертекста»¹², вербализуются с помощью множества «поэтических формул», относимых, наряду с цитатами, к двум основным видам знаков интертекста.

Как указывает Н.А. Кузьмина, поэтические формулы, т.е. «продукты», результат вербализации какой-либо концептуальной метафоры, приходят в поэтический язык благодаря конкретным текстам. Однако задача назвать единый, «материнский», прототекст для варианта поэтической формулы и уж тем более назвать автора ставшего коллективно закрепленным концепта оказывается практически неразрешимой. Скорее, следует говорить о национально и исторически определенных, но всё же обобщенных прототекстах, чьими цитатами являются поэтические формулы, актуализирующие соответствующие концепты¹³.

Можно согласиться с утверждением, что в литературе метафора *theatrum mundi* отсылает к конкретному прототексту — пьесе «Как вам это понравится» Шекспира или к не столь точному, но индивидуализированному «Шекспировскому тексту», также как метафора *жизнь — это сон* отсылает к драме П. Кальдерона, непосредственно озаглавленной “*La vida es sueño*”, потому что «присво-

енные» гениальными авторами концепты стали восприниматься как ими же и созданные. Между тем остается очевидным, что и тексты, и поэтические КМ даже авторов такого уровня, как Шекспир и Кальдерон представляют один из этапов эволюции данных концептов и, соответственно, этапов развития интертекста в том понимании, в каком он используется Н.А. Кузьминой.

Сказанное, разумеется, не означает, что в ходе интертекстуального исследования можно игнорировать подобные, да и любые другие прототексты. Напротив, именно обращение к ним и позволяет проследить изменения в структуре и способах репрезентации элементов индивидуальной или коллективной КМ, рассматривая их как показатели интертекстуального взаимодействия.

Свидетельством этому могут служить тексты аргентинского автора прошлого столетия Х. Л. Борхеса, отобразившего специфические черты латиноамериканской художественной картины мира, в том числе, в сфере актуализации метафор *мир — это текст* и *текст — это мир*, реализованных в его собственных произведениях.

Так, в рассказе *La biblioteca de Babel*, подарившем специалистам по интертекстуальности одну из самых популярных цитат, вселенная напрямую отождествляется с библиотекой: “El universo (que otros llaman la Biblioteca) se compone de...”¹⁴, которая в соответствии со строгой логикой космографий описывается как единственный наличный мир, наделяемый онтологическими параметрами и историей. Правда, для читателя эти описания остаются вербализацией «мира художественного текста» и потому переосмысляются метафорически, также как и сохраняющие истинность только в «мире мифа» вселенные, заключенные в хрустальную сферу, стоящие на слонах и т.п.

Аналогичную игру смыслов можно наблюдать в рассказах *La escritura del dios* и *Parábola del palacio*, репрезентирующих, соответственно, первую и вторую метафоры. Концепт *мир — это текст* актуализируется через рассуждения героя о том, что словом бога в этом мире может быть гора, река, империя или созвездие. Для человека — носителя мифологического сознания оно может воплотиться в поколениях злаков, птиц, людей, и даже в собственном лице или в пятнах ягуара, воспроизводимых как знаковая цепочка до тех пор, пока кто-нибудь не прочтет написанное:

Una montaña podna ser la palabra del dios, o un río o un imperio o la configuración de los astros ... Pensé en las generaciones de los cereales, de los pastos, de los pájaros, de los hombres. Quizá en mi cara estuviera escrita la magia, ... imaginé a mi dios confiando el mensaje a la piel viva de los jaguares, que se amarían y se engendrarían sin fin, ... para que los últimos hombres lo recibieran¹⁵.

В свою очередь концепт *текст — это мир* реализуется в виде притчи о стихе как средстве языкового представления, систематизации и передачи знаний, позволяющем в одной строке (или даже в одном слове) отобразить колоссальный объем информации: огромный дворец с его бесконечным содержимым и чередой живущих в нем династий, чье начало теряется в веках:

El texto se ha perdido; hay quien entiende que constaba de un verso; otros, de una sola palabra. Lo cierto, lo increíble, es que en el poema estaba entero y minucioso el palacio enorme, con cada ilustre porcelana y cada dibujo en cada porcelana y las penumbras y las luces de los crepúsculos y cada instante desdichado o feliz de las

gloriosas dinastías de mortales, de dioses y de dragones que habitaron en él desde el interminable pasado¹⁶.

Возвращаясь к словам Н.А. Кузьминой о том, что концептуальные метафоры есть ментальные изоглоссы интертекста, можно сказать, что Х.Л. Борхес своеобразно эксплицировал данное свойство, находя аналоги современных когнитивных структур в древнемексиканском и древнекитайском образах мира.

Подводя общий итог всем рассуждениям о проблеме, отметим, что изучение этих двух взаимосвязанных концептов показывает, что в рамках интертекстуального подхода обе метафоры допускают иное, непротиворечивое и, в определенном смысле, более правильное выражение. А именно, они могут быть представлены как *мир — это интертекст* и *интертекст — это мир*, где по-другому актуализированные область цели и источника позволяют лучше понять феномен не только текста или мира, но также и роль самих этих метафор в процессе их все углубляющегося познания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом: Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина О.А., Сорокин И.Ю. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
2. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 398.
5. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004. С. 136-137.
6. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 19.
7. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
8. К сказанному следует добавить, что кроме перечисленных видов претекстов указанные авторы выделяют автопрецедентные тексты, которые также участвуют в порождении интертекстуальных «миров», хотя и распознаются в меньшей степени другими членами сообщества.
9. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003. С. 144.
10. Там же. С. 150-153.
11. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004. С. 20-21.
12. Там же. С. 214.
13. Там же. С. 198.
14. Borges J.L. Narraciones. Madrid, 1995. P.105.
15. Borges J.L. Ficcionario. Una antología de sus textos. México, 1992. P. 300.
16. Borges. Narraciones. P. 132.

THE METAPHORS OF THE INTERTEXT

T.E. Litvinenko

In the article the conceptional principles of understanding the text as a result of a complicated cultural-linguistic genesis are considered. The processes of evolution of the structure *world is a text* and *text is a world* and the peculiarities of their representation in different discourse products are traced.